

УДК 81-115'374:581/591

DOI: 10.17223/22274200/19/3

М.В. Жуйкова, А.И. Йодловская

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВАРНЫХ ТОЛКОВАНИЙ КОНКРЕТНОЙ ИМЕННОЙ ЛЕКСИКИ (ФЛОРА И ФАУНА)

Рассматриваются два подхода к словарным толкованиям конкретной именной лексики: логико-рационалистический и психологический. В рамках первого подхода толкование строится через перечисление необходимых и достаточных признаков денотата; второй основан на включении в дефиницию релевантных, коммуникативно значимых характеристик. На большом массиве дефиниций именной лексики, соотносительной с биологическими объектами, показано, что лексикографы отдают предпочтение второму подходу.

Ключевые слова: лексическое значение, дефиниция, стохастизмы, психолингвистическое значение, релевантный признак.

Понятие лексического значения является одним из центральных как в теоретических исследованиях в области лексической семантики, так и в практической деятельности лексикографов, направленной на создание толкований слов – словарных дефиниций, построение структуры полисемии и многих других важных задач. Толкования, являющиеся особым типом метаязыковых текстов, специально предназначены для экспликации лексического значения, т.е. служат для вербализации той информации, которая связана в сознании говорящих с тем или иным словом.

Основное требование к дефинициям состоит в том, что они должны обеспечивать непротиворечивое и однозначное соответствие между языковым знаком и его обозначаемым, под которым имеют в виду, естественно, не объект из «мира вещей», а некий «квант» информации, входящий в ментальное пространство – концептосферу усредненного носителя языка. Любой природный язык, создававшийся на протяжении многих веков, отражает так наз. наивную картину мира своих носителей. «Задача лексикографа, – подчеркивает Ю.Д. Апресян, – если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть... наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить ее в системе толкований. Первые попытки в этом направлении показали, насколько непростой является эта задача» [1. С. 58].

Важно осознавать, что трудности возникают не только при лексикографическом описании номинативной абстрактной лексики (например, наименований эмоций, психических и физических состояний, ощущений, качеств, сложных действий). Непростой проблемой оказывается и построение словарных толкований для вполне обычных, частотных знаков-наименований – существительных с конкретной семантикой.

Данная статья посвящена кругу вопросов, связанных с лексикографическим описанием конкретных существительных, соотносительных с натуробъектами, прежде всего, с растениями и животными; общее свойство этих объектов состоит в том, что они воспринимаются органами чувств человека, т.е. перцептивно, причем доминирующую роль в процессах перцепции играет зрение. Цель работы состоит в том, чтобы показать не только существующие проблемы, но и основные тенденции, проявляющиеся в практической лексикографии при построении дефиниций на основе двух подходов: традиционного (логико-рационалистического) и психологического.

Обратимся к теоретическим положениям, которые отражают принципы описания предметной лексики в толковых словарях. В основе этих принципов лежит понимание сущности лексического значения слова как его плана содержания, как особой информации, закрепленной за знаком. Поскольку этот вопрос является крайне сложным и многократно обсуждался в лингвистической литературе, см., например, обзоры в книгах А.А. Уфимцевой [2], С.А. Песиной [3. С. 11–50], мы не будем специально на нем останавливаться. С позиций практической лексикографии важно отметить два требования к дефиниции, сформулированные Ю.Д. Апресяном еще в работе «Лексическая семантика» (первое издание 1974 г.): 1. Значение, которое толкуется в словаре, должно определяться через более простые значения и в конце концов сводиться к небольшому набору элементарных (неопределяемых) значений. 2. Единицы, используемые при толковании, должны быть необходимыми и достаточными для значения, которое объясняется в словаре (должны быть перечислены все семантические компоненты слова, и только они, определение должно быть точной синонимической перифразой определяемого) [1. С. 95]. Второе требование к дефиниции неоднократно звучало в трудах американских ученых. См., например, известное высказывание Э. Бендикса: «Минимальная дефиниция значения какой-либо единицы – это пере-

чень семантических компонентов, необходимых и достаточных для отграничения (в парадигматическом плане) данного значения от значений всех других единиц языка» [4. С. 76]. Развивая принципы системного подхода к языку, Ю.Д. Апресян разработал концепцию системной лексикографии, которая должна обеспечивать согласованное описание единиц словаря и грамматики. Эта концепция, в частности, включает в себя понятие лексикографического типа.

Лексикографический тип – это группа лексем с набором одинаковых параметров, к которым могут применяться некоторые общие принципы описания (не только семантические, но и прагматические, грамматические) [5. С. 508]. Реализация концепции системной лексикографии представлена в двух новаторских словарях (НООСРЯ и АСРЯ). Во вступительной части «Активного словаря русского языка» Ю.Д. Апресян еще раз подчеркнул важность системных требований к толкованию лексемы: «Можно сформулировать некий идеал, к которому следует стремиться, с пониманием, что его невозможно реализовать в полном объеме даже в “лабораторных” условиях, не говоря уж о реальном словаре. Он предельно прост – толкования, подобно другим дефинициям, должны быть полны (условие необходимости), неизбыточны (условие достаточности) и нетавтологичны» [6. С. 15].

Прежде чем переходить к обсуждению практической реализации этих принципов в словарях, следует обратить внимание на то, что выдвигаемые Э. Бендиксом, Ю.Д. Апресяном и другими учеными требования к словарному определению содержат два понятия из сферы логики: «необходимое условие» и «достаточное условие». Однако их понимание, как нам представляется, несколько иное, чем в логике и математике, поскольку в логике указанные условия определяют характер связи между двумя суждениями, которая обеспечивает их истинность. В общем виде эта связь выглядит так: если из некоторого t следует n , то t является необходимым условием для n ; если из того же n следует то же t , то n является достаточным условием для t . Например, рассмотрим связь суждений *Брат купил книгу* (t) $\rightarrow$ *Книга принадлежит брату* (n); из факта покупки книги братом обязательно следует вывод о том, что книга оказывается в собственности брата, эти суждения связаны как необходимое условие и его следствие (импликация). Тем не менее связь суждений *Книга принадлежит брату* (n) $\rightarrow$ *Брат купил книгу* (t) иная: покупка книги братом является достаточным условием, чтобы книга начала ему принадлежать, однако

есть и другие достаточные условия для того же следствия (например, брату подарили эту книгу). Однако категория истинности в ее строгом логическом смысле к словарным толкованиям не применима, поэтому важно понять, что именно имеют в виду лингвисты, говоря о наборе необходимых и достаточных семантических компонентов.

Для этого примем такие условные обозначения: А – это конечный набор семантических признаков а, b, c, d; В – это лексическое значение слова С. Конечный набор признаков А находится в словарной статье справа от толкуемой единицы С, это экспликация его лексического значения. Что касается В, то оно является сложным ментальным образованием, некоторым набором концептуальных признаков. Чтобы адекватно связать А и В, логическое понятие истинности (имеется в виду истинность некоторого суждения) следует заменить на более простое понятие удовлетворительности описания или, иначе, его соответствия представлениям говорящих о содержании слова С. Определим следующие логические условия удовлетворительности описания В:

1. Чтобы В было удовлетворительным, нужно обязательно включить в А семантические признаки а, b, c, d; отсутствие любого из них в А сделает В неудовлетворительным, и в этом случае никакие иные признаки е, f, g... не могут обеспечить удовлетворительное описание В.

2. Чтобы В было удовлетворительным, нужно включить в А только семантические признаки а, b, c, d; присутствие в А признаков е, f, g..., даже если они не противоречат содержанию В, является излишним.

Первое условие отвечает требованию «необходимые признаки» в толковании, а второе – «достаточные признаки».

Таким образом, мы видим, что принятые требования к словарной дефиниции базируются на несколько упрощенном логическом подходе, согласно которому лексическое значение слова, как и его отражение в словарном толковании, должно быть представлено через некоторый минимальный набор признаков соответствующего понятия, достаточных для того, чтобы можно было отличить одно слово от другого, причем этот набор не должен быть избыточным (в него должны входить те и только те признаки, которые вместе обеспечивают понимание построенного толкования). Наилучшим образом эти требования можно отразить в дефинициях, описывающих объекты идеальной природы, например треугольники, ромбы, кубы и т.д. Однако при толковании имен объектов из нашего реального мира реали-

зовать эти условия оказывается крайне сложно, даже если речь идет о закрытых тематических группах (типа наименований родства, которые служили для структуралистов богатным материалом для компонентного анализа).

Покажем, как выглядит системное описание номинаций одного лексикографического типа в АСРЯ. Во вступительной части словаря приведены толкования для номинаций четырех плодов (*апельсин* – *мандарин*, *персик* – *абрикос*) и названы признаки (или группы признаков, т.е. профили), которые следует указывать при описании значения подобных слов. «В частности, – пишет Ю.Д. Апресян, – в толкованиях имен фруктов должны указываться: а) объект, на котором они растут, б) их размер, в) форма, внешний вид, г) цвет, д) вкус, е) плотность, ж) строение» [6. С. 22].

Дефиниции фруктов, построенные в соответствии с этой общей матрицей, имеют такой вид:

Абрикос 1. 'Южный фрукт размером с кулачок младенца, растущий на дереве, овальный, желтого, оранжевого или светло-розового цвета, мягкий, кисло-сладкий, с большой гладкой коричневой косточкой внутри'.

Персик 1. 'Южный фрукт размером с кулак ребенка, растущий на дереве, круглый или слегка овальный, различных расцветок от желто-оранжевой до бордовой, мягкий, сладкий, с пушистой кожицей и большой косточкой внутри, поверхность которой покрыта кривыми бороздками'.

Апельсин 1. 'Южный фрукт размером с кулак, растущий на дереве, обычно круглый, с толстой плотной кожурой оранжевого цвета, кисло-сладкий, внутри мягкий и разделенный на дольки, содержащие светлые косточки'.

Мандарин 1. 'Южный фрукт размером с кулак ребенка или немного меньше, растущий на дереве, круглый или слегка сплюснутый, с тонкой, часто непрочной кожурой оранжевого цвета, кисло-сладкий, внутри мягкий и разделенный на дольки, обычно содержащие светлые косточки' [6. С. 22].

Вишня 1. 'Ягода круглой формы, размером с ноготь взрослого человека, растущая на дереве, с тонкой кожурой красного, темно-красного или почти черного цвета и сочной кисловато-сладкой мякотью, в которой находится крупная круглая косточка' [АСРЯ. Т. 1. С. 143].

Такие описания значений полностью решают задачу разграничения объектов, названных определенным словом, но разрешается она не с помощью ограниченного набора характеристик. Предложенные в этом словаре дефиниции оказываются гораздо более подробными по сравнению с традиционными толкованиями. На самом деле эти дефиниции содержат даже больше дифференциальных признаков, чем выделено профилей. Например, для слова *персик* профиль 'строение' представлен такими характеристиками: «с пушистой кожицей», «с большой косточкой», «поверхность косточки покрыта кривыми бороздками». Как справедливо отмечает Ю.Д. Апресян, «перечислить все свойства природного объекта невозможно. Даже выделение наиболее существенных свойств представляет известные трудности. Поэтому от толкований предметной лексики достаточно потребовать, чтобы они обладали дифференциальной силой, т.е. чтобы толкования очень похожих предметов все же отличались друг от друга» [6. С. 22]. Построенные таким образом дефиниции для названий фруктов действительно обладают дифференциальной силой, а совокупность их дескриптивных признаков дает достаточно полное представление о внеязыковом объекте. Правда, остается не вполне разрешенным вопрос о том, все ли названные признаки являются необходимыми, а их набор действительно ли не избыточен.

Указанный подход к значению, на котором строится известная методика компонентного анализа, согласуется с аристотелевским пониманием категории, при котором каждая категория сознания должна быть описана через набор необходимых и достаточных признаков, иметь четкие границы, не должна пересекаться с другими категориями и т.д. Общеизвестно, что когнитивная лингвистика сформулировала иной взгляд на природные категории, при котором условие выделения необходимых и достаточных признаков для всех членов категории фактически снимается, и его заменяет понятие прототипа; см., например, интересную книгу Дж. Тейлора [7], где показаны отличия в принципах построения категории и демонстрируются психологические основания природной категоризации.

При углублении в проблему принципов организации словарной дефиниции конкретной лексики возникает такая трудность: неясно, какие именно признаки объекта следует считать необходимыми и достаточными для описания слова, чтобы такое описание служило цели его отграничения от других слов в процессе коммуникации. Другой

не менее важный вопрос, связанный с первым, можно сформулировать так: возможно ли построение дефиниций любых лексикографических типов предметной лексики в соответствии с этими требованиями?

По поводу первой проблемы З.Д. Попова и И.А. Стернин высказались так: «Вызывает также многочисленные вопросы и идея о том, что включенные лексикографами в дефиницию слова признаки отражают существенные, дифференциальные признаки называемых предметов и явлений. Как правило, это можно с определенной долей надежности констатировать для дефиниций научных терминов; для большинства же общеупотребительных слов признаки, образующие лексикографическое описание значения, могут вообще не иметь отношения к категории существенности, поскольку для многих объектов (в особенности для натурфактов) это понятие просто неприменимо» [8. С. 38]. В подтверждение своих сомнений авторы исследования приводят примеры наименований натурфактов, в которых сложно выделить так называемые существенные признаки (*заяц, собака, яблоко, береза, морковь, лужа, окурок, озеро*).

Наглядное подтверждение тому, что не все названия природных объектов удастся описать на основе общей матрицы, обнаруживается и в АСРЯ, например в тематической группе 'деревья'. Ср. следующие дефиниции: *береза* 'лиственное дерево, распространённое в средней полосе, обычно с гладкой белой тонкой корой с черными полосками и с листьями в форме сердца' [АСРЯ. Т. 1. С. 218]; *бук* 'крупное лиственное дерево с тонкой гладкой светло-серой корой, густой широкой кроной, обычно начинающейся высоко от земли, овальными листьями и ценной твердой древесиной' [АСРЯ. Т. 1. С. 376]; *верба* 'дерево или кустарник, имеющий гибкие красноватые ветви и серо-желтые пушистые почки величиной с ноготь ребенка' [АСРЯ. Т. 2. С. 58]. В этих дефинициях не обнаруживается общая модель описания: только для березы указан ареал распространения, но нет данных о кроне, древесине; только для бука отмечен размер кроны и дана информация о древесине, но ничего не сообщается об ареале произрастания; в толковании вербы отсутствуют эти три параметра, нет информации о форме листьев и цвете коры, зато подробно описаны почки (цвет, размер и тактильное ощущение от их поверхности).

Очевидно, если бы лексикографы, создававшие толкования для АСРЯ, видели возможность описания этих лексем по одной схеме, то они этой возможностью непременно воспользовались бы.

В большинстве толковых словарей лексикографы и не стремятся к выделению жесткого набора признаков и часто строят дефиницию на основе свойств, весьма произвольно извлеченных из концептуальной структуры. Для подтверждения этого положения сравним толкования номинации рус. *липа* / пол. *lipa* / англ. *linden, lime* / нем. *Linde* / итал. *tiglio* в двенадцати авторитетных толковых словарях.

1. Липа. Лиственное дерево из сем. липовых с густой кроной и душистыми медоносными цветками [БАС. Т. 6. Стб. 241].

2. Липа. Лиственное дерево с сердцевидными зубчатыми листьями и желтоватыми душистыми медоносными цветками [МАС. Т. 2. С. 185].

3. Lipa. Drzewo z rodziny lipowatych, pospolicie występuje na całym niżu i niżej położonych terenach górskich: liście sercowate, od spodu pokryte pęczkami rudawobrunatnych włosk ('дерево из семейства липовых, обычно встречающееся в низинах и в нижней зоне горных областей: листья сердцевидной формы, снизу покрытые пучками рыжевато-коричневых волосков') [SJP].

4. A linden is a large tree with pale green leaves which is often planted in parks in towns and cities ('липа – это большое дерево с бледно-зелеными листьями, которое часто высаживают в парках городов и поселков') [CCALD].

5. Linden. Any of various tiliaceous deciduous trees of the N temperate genus *Tilia*, having heart-shaped leaves and small fragrant yellowish flowers: cultivated for timber and as shade trees ('любое из различных лиственных деревьев липы умеренного климатического пояса рода *Tilia* с листьями в форме сердца и небольшими ароматными желтоватыми цветами: культивируется для получения древесины, а также как тенистое дерево') [CED].

6. Linden. Any tree of the genus *Tilia*, as *T. americana* (American linden) or *T. europaea* (European linden), having fragrant yellowish-white flowers and heart-shaped leaves, grown as an ornamental or shade tree ('липа – любое дерево рода *Tilia*, например *T. americana* (американская липа) или *T. europaea* (европейская липа), имеющее ароматные желтовато-белые цветы и листья в форме сердца, выращиваемое как декоративное или тенистое дерево') [WD].

7. Lime. A tree with pleasant-smelling yellow flowers ('дерево с приятно пахнущими желтыми цветами') [LDCE].

8. Lime. Tree with a smooth heart-shaped leaves and fragrant yellow flowers. ('дерево с гладкими сердцевидными листьями и ароматными желтыми цветами') [OALDCE. P. 724].

9. Linde. Ein Baum mit hellgrünen, herzförmigen Blättern, dessen gelbliche Blüten gut riechen ('дерево со светло-зелеными листьями в форме сердца, желтоватые цветы которого хорошо пахнут') [GWD].

10. Linde. Laubbaum mit ausladender Krone, herzförmigen, gesägten Blättern u. gelblichen, duftenden Blüten ('лиственное дерево с большой кроной, с зубчатыми листьями в форме сердца и желтоватыми ароматными цветами') [DUW. P. 956].

11. Tiglio. Albero delle Malvali con foglie a cuore seghettate, fiori in infiorescenze dal profumo intense forniti di una brattea giallo-verdastra e frutto a piccolo nocce ('дерево из сем. мальвовых с зубчатыми сердцевидными листьями, цветами с сильным ароматом, собранными в соцветия, имеющие зеленовато-желтые прицветники, и мелкими плодами-орешками') [NZ. P. 1115].

12. Tiglio. Alta e imponente pianta ornamentale, frequentemente posta nei viali e nei parchi per la bellezza del suo fogliame, per il gradito profumo dei suoi fiori e per l'ombra ampia che la sua grande chioma diffonde ('высокое, внушительное декоративное растение, часто размещаемое на проспектах и в парках, из-за красоты его листвы, приятного запаха цветов и из-за большой тени, которую дает его крона') [DFLI. P. 1028].

Анализ этих дефиниций показывает, что общее количество дескриптивных признаков липы (без тех, которые относятся к собственно энциклопедической информации — биологической таксономии липы), равно девятнадцати. Среди них один классификационный признак (лиственное дерево), признаки внешнего вида (общий размер, сердцевидная форма листьев, зазубренные края листьев, цвет листьев, поверхность листьев, размер кроны, размер, окраска и запах цветов, особенности соцветия, наличие волосков на нижней стороне листа, форма и размер плодов), указание на ареал распространения (обычно растет в низменных местностях), а также особенности использования липы людьми (для озеленения парков и улиц, для получения древесины, как декоративное растение, как источник тени, как медонос). При этом ни одна из дефиниций не содержит всего набора выделенных признаков: их количество колеблется от трех (LDCE) до восьми (CED).

Вопрос о том, какие именно признаки из отмеченных девятнадцати следует включать в дефиницию слова *липа*, чтобы их совокупность имела дифференциальную силу и отвечала условиям необходимости и достаточности для описания слова, остается открытым. Было бы не

совсем корректно ставить вопрос о том, какие из приведенных толкований «лучше», а какие «хуже». Если считать, что в дефинициях следует стремиться к реализации принципа минимизации дескриптивных признаков, как этого представлял Э. Бендикс, то «хорошими» придется назвать более короткие дефиниции. Однако этот подход противоречит требованию «узнавания» объекта и его отграничения от других подобных объектов.

Сравнение толкований слова *липа* и его эквивалентов в разных языках, с одной стороны, и дефиниций фруктов из АСРЯ – с другой, позволяет заметить один существенный момент: практически все признаки, из которых строятся дефиниции для *липы*, оказываются непостоянными во времени и не синхронными, тогда как признаки фруктов, включенные в определения из АСРЯ, в основном наблюдаются одновременно (за исключением признаков ‘южный’ и ‘растущий на дереве’). Липа же цветет примерно месяц, иногда и меньше; только в этот промежуток времени она является медоносом. Наблюдать характер листвы на липе можно примерно шесть-семь месяцев в году (это время зависит от географических и климатических условий); крона липы дает тень тоже не круглый год. К более постоянным признакам мы можем отнести указание на общий размер дерева (*alta, large*). Но тут мы сталкиваемся с двумя проблемами: собственно лингвистической и скорее биологической.

С одной стороны, мы не знаем, как определить признак ‘большой’ применительно к одному классу деревьев, поскольку для его соотнесения с экстралингвальными объектами нужно провести сравнение членов суперординатной категории (сравнить среднюю липу и средний дуб, бук, каштан, тополь, вербу, яблоню, персик, вишню...), а это значит, что утрачивается возможность независимого описания. В определениях фруктов из АСРЯ в качестве эквивалента их величины взяты стандартные размеры частей тела ребенка и взрослого человека. Предположим, что носитель языка никогда не видел абрикоса; извлекая информацию про него из словарного определения, он может представить себе его размер только в том случае, если ему известно, каков размер кулачка младенца. С другой стороны, признак ‘высокий’ у класса лип не является стабильным, липы бывают и небольшие, невзрослые (еще не цветут, не выделяют нектар), а также имеют свойство расти. Таким образом, оказывается, что словарные дефиниции относятся к только хорошим экземплярам липы на их самом продуктивном этапе жизненного цикла, причем в короткий период летнего цветения.

Можно также отметить, что выбранные для словарного толкования признаки липы оказываются семантически неоднородными и относятся к разным видам информации, связанной в сознании говорящих с этим растением. Так, в словаре польского языка (SJP), в словаре итальянского языка (NZ) *lipa* представлена преимущественно как биологический объект, а в словарях английского (WD, CCALD) и особенно итальянского языка (DFLI) она выступает скорее как элемент городского пространства; поэтому в соответствующих дефинициях доминируют те признаки, которые существенны для обитателя этого пространства, стремящегося сделать свою жизнь в нем более комфортабельной. И хотя большинство из представленных признаков липы относятся к перцептивным (для их осознания необходимо только зрение и обоняние), некоторые характеристики липы оказываются умозрительными и выводимыми логически (медонос, культивируется для получения древесины, растет в умеренной климатической зоне).

Таким образом, для имен натуробъектов построение словарных толкований по принципу минимизации набора дифференциальных признаков оказывается весьма проблематичной задачей. Это связано с явлением, отмеченным в работах М.В. Никитина: концептуальные структуры натуробъектов, прежде всего, имен растений и животных, представляют собой набор большого количества слабо упорядоченных, случайных признаков. Автор называет такие концепты стохастизмами и пишет о них следующее: «В... стохастизмах сам набор признаков класса неконечен, неясен, все признаки характеризуются той или иной вероятностью вхождения – невхождения в определение класса и структурированы в понятии за счет оценок их вероятностей и предметно-логических связей и зависимостей» [9. С. 56]. Невозможность выделить из этого набора те признаки, которые необходимы для идентификации явления, приводит к необязательному характеру дефиниции: «Она не может достичь своей цели, поскольку пытается предмет вероятностной структуры определить средствами двузначной логики. Толкования подобных слов – наименее ценная часть словарных статей в толковых словарях» [9. С. 57].

В качестве примера М.В. Никитин приводит толкование слова *слон* из словаря В.И. Даля: 'известное огромностью своею животное жарких стран', куда вошло два признака: 'размер' и 'ареал обитания'. Очевидно, что эти признаки не исчерпывают содержания лексического значения, не могут считаться необходимыми и достаточными, а все толкование не имеет различительной силы.

Как контраргумент к утверждениям М.В. Никитина можно вспомнить известный пример Ю. Найды из его статьи «Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения», где автор предлагает лаконичное словарное толкование англ. слова *bat* 'летучая мышь'. «Практически достаточной дефиницией для *bat* будет просто 'млекопитающее, которое летает', или 'летающее млекопитающее'. Может быть, следовало бы оговориться, что «летающее» должно пониматься в смысле самостоятельного передвижения, а не с помощью вспомогательных средств, но в сочетании со словом *млекопитающее* неоднозначность возникать не должна» [10. С. 66].

Действительно, толкование слова состоит из двух признаков: 'млекопитающее' и 'летает'. Каждый из них является необходимым: с одной стороны, если из дефиниции исключить признак 'млекопитающее', можно получить практически любой объект из класса «птицы» или «насекомые»; если исключить признак 'летает', описание окажется приложимым к названию любого млекопитающего. С другой стороны, эти два признака, взятые вместе, по счастливому (для лексикографов) стечению обстоятельств оказываются достаточными для упрощенного описания значения слова *bat*, поскольку этим словом называют представителей отряда млекопитающих, которые могут перемещаться по воздуху подобно птицам (а не прыгая с дерева на дерево, как белки). Поэтому любые иные признаки для словарной дефиниции лексемы *bat* оказываются избыточными, на что и указывает далее в своей статье Ю. Найда: «Если же мы определяем *bat*, вслед за некоторыми словарями, как 'летающее млекопитающее с видоизмененными передними конечностями, которые служат в качестве крыльев и которые покрыты мембранами, простирающимися до задних конечностей', то... такая информация о передних конечностях и мембранной ткани передает важные энциклопедические сведения, но она выходит за рамки компонентов, необходимых и достаточных для дефиниции. Такие описания полезны, но они содержат больше, чем просто значение слова *bat*» [10. С. 66].

В парадигме структурализма эти соображения оказываются вполне последовательными, они демонстрируют процедуру разложения целого (лексического значения) на конечный набор дескриптивных признаков. Однако с точки зрения когнитивной лингвистики, ориентированной на процессы распознавания, запоминания, идентификации, категоризации и др., выделение дескриптивных признаков у подоб-

ных объектов связано прежде всего с чувственным, перцептивным опытом человека, а фрагменты этого опыта далеко не всегда можно представить в вербальных формах. Поэтому для словарного описания номинации слона или летучей мыши в большей мере подходит комбинация вербальной и остенсивной дефиниции – картинки, на которой схематично изображен объект толкования.

Анализ приведенных выше определений лексем, называющих деревья, позволяет увидеть еще один важный аспект проблемы дефиниции. Можно ли считать, что отмеченный разноречивой в их описании, включение разнородных признаков является недостатком толкований? Следует ли строить на основе избранных признаков некие обобщенные схемы-матрицы и наполнять их конкретным содержанием? Рассмотренные дефиниции названий деревьев ясно показывают, что даже в пределах тематических групп построение минимального набора дескриптивных признаков оказывается неразрешимой задачей. Вместе с тем целью лексикографа является построение удовлетворительных словарных дефиниций. Как же решается эта задача? Очевидно, условия необходимости и достаточности признаков объекта в практической лексикографии заменяются на условия релевантности, т.е. существенности, коммуникативной выделенности признака для носителя лингвокультурного сознания.

Таким образом, в словарных определениях можно обнаружить практическое отражение того понимания лексического значения, которое представлено у исследователей когнитивного и психолингвистического направлений в лингвистике. В частности, А.А. Залевская отмечает, что «перенесение в фокус внимания специфики значения как достояния индивида потребовало пересмотра логико-рационалистической трактовки значения, ставшей привычной и устойчивой традицией» [11. С. 215]. Психолингвистика акцентирует внимание на подходе к лексическому значению как феномену человеческой психики, при котором поиски составляющих плана содержания слова обращены прежде всего к формам и способам отражения действительности в сознании носителей языка. З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают непосредственную связь между лексическим значением и концептуальной структурой, с одной стороны, и коммуникативными практиками языкового коллектива – с другой: «Значение... это общеизвестная и коммуникативно релевантная часть концепта, выступающая в виде стороны языкового знака в актах коммуникации»

[8. С. 36]. В последние десятилетия активно обсуждается понятие «психологическая структура значения слова», разрабатываются и применяются различные экспериментальные методики, направленные на ее обнаружение и объяснение. «Экспериментальными исследованиями установлено, – отмечает А.А. Залевская, – что широкий круг увязываемых с каждым словом признаков меняется в непрерывном диапазоне от исключительно важного в каком-то отношении до тривиального» [11. С. 219].

Интерпретация лексического значения через понятия коммуникативно релевантной части концепта природно позволяет перейти к новому, обусловленному коммуникативными аспектами речи и психической деятельностью индивида, пониманию словарного толкования лексического значения: не всякая дефиниция – это жесткий набор необходимых и достаточных признаков денотата, многие дефиниции вполне допустимо строить из признаков, релевантных для носителей лингво-культурного опыта.

Именно это явление – отражение в толковании релевантных признаков денотата – и демонстрируют словарные толкования названий деревьев из АСРЯ (несмотря на то что создатели словаря декларируют свою приверженность описанию через набор необходимых и достаточных признаков): в эти толкования включены те характеристики реалий, которые чаще всего оказываются в фокусе внимания человека. Для березы это, конечно, особенная белая кора, которая помогает безошибочно узнать это дерево, причем в любую пору года. Для вербы таким выделенным признаком оказывается внешний вид почек, которые отличаются от почек других деревьев не столько цветом, сколько своим размером ('величиной с ноготь ребенка'). *Слон* определяется у В.И. Даля через признак 'огромный', потому что именно размеры этого животного поражают воображение человека; в определении *зебры* обязательно включается признак 'черные и белые полосы на теле'; в толковании значения слова *соловей* указывается на его свойство издавать приятные для человеческого уха звуки: 'буро-серая птичка сем. дроздовых, отличающаяся красивым пением' [ОШ].

Приведем еще несколько показательных иллюстраций. В одном из словарей английского языка толкование имени травянистого растения мари содержит лишь один дескриптивный признак – неприятный запах: *goosefoot* 'a plant of family Chenopodiaceae, esp. a member of genus *Chenopodium*, smelling strongly of bad fish' ('растение семейства маре-

вых, особенно рода мар, с очень сильным запахом тухлой рыбы' [WID. P. 411–412]. В словарное описание лексемы *груша*, как правило, входит признак 'особой формы: шире внизу и у'же вверх', см. *груша* 'плод [дерева груши], имеющий форму округлого конуса' [MAC. T. 1. C. 353], *pear* 'a sweet juicy fruit that has a round base and is thinner near the top' ('сладкий сочный фрукт, который имеет круглое основание и тоньше в верхней части') [LDCE]. Эти релевантные признаки, по большей части перцептивные (зрительные, слуховые, реже одоративные, тактильные и вкусовые), отражают особенности коллективного восприятия класса денотатов; эти же признаки могут легко становиться основанием для метафорических сдвигов в значении слова, принимать участие в различных процессах вторичной номинации.

Понимание значения слова как коммуникативно релевантной части концепта поднимает важный вопрос о методах, позволяющих выделить в нем коммуникативно значимые признаки. Как отмечают многие психолингвисты, наилучшие результаты дают различные экспериментальные методики и приемы, в частности ассоциативные эксперименты, см., например, недавнюю работу А.В. Рудаковой и И.А. Стернина [12], а также анализ текстов. В статье М.В. Жуйковой [13] для определения релевантных признаков яблока используется информация о сочетаемости соответствующей лексемы в художественной прозе (привлекается обширный материал из национальных корпусов английского и украинского языков). В результате сравнения полученных наборов признаков и тех характеристик яблока, которые включаются в дефиниции английской лексемы *apple*, оказалось, что лексикографы-практики, формируя толкование, интуитивно отражают в нем именно те признаки, которые обнаружены как релевантные путем анализа употреблений этого слова в художественных текстах. Это означает, что «наивные», ненаучные словарные дефиниции действительно коррелируют со структурами сознания и наряду с иными языковыми явлениями могут рассматриваться как отражение когнитивной деятельности человека, направленной на выявление существенных признаков объекта.

Важно также подчеркнуть, что релевантность признаков, используемых в толковании, определяется не только их броскостью, визуальным или иным чувственным впечатлением, но и их ролью в культуре, в текстах, которые созданы на определенном языке и передаются во времени, обеспечивая преемственность культурной традиции.

Эти признаки сами по себе могут оказываться как бы свернутыми текстами, символами, имеющими потенцию к разворачиванию.

Иначе говоря, выбор некоторых признаков, на первый взгляд, весьма случайный (зачем вводить в определение профиль 'почка', если сами почки быстро превращаются в цветы и исчезают?), может быть мотивирован очень важными для культурной традиции факторами. Например, вербовые веточки без листьев, но с большими выразительными почками являются атрибутом Вербного воскресенья, их освящают в церкви, часто изображают как декоративный элемент на праздничных поздравлениях и т.д. Остальные части вербы (ствол, листья, древесина, плоды) не нагружены культурными смыслами в той же степени, что и почки, поэтому они оказываются вне дефиниции.

В словарных толкованиях нередко появляются такие характеристики реалий, которые не играют никакой роли с точки зрения их дифференциальной силы, не относятся ни к необходимому, ни к достаточному; такие признаки тяготеют к энциклопедической информации. Их включение в толкования мотивируется только фактором культурной значимости, осмыслением денотата в коллективных культурных практиках. Например, один из словарей английского языка дает такую дефиницию для слова *salamander*: 'lizard-like animal once supposed to be capable of living in fire' ('похожее на ящерицу животное, которое когда-то считалось способным жить в огне') [OALDCE. P. 1117]; в словаре украинского языка слово *лобода* толкуется как 'найпоширеніший бур'ян, що засмічує посівні та городні культури; листя деяких видів цієї рослини вживають у їжу, як шпинат, салат тощо' ('наиболее распространенный бурьян, засоряющий посевные и огородные культуры; листья некоторых видов этого растения используют в пищу, как шпинат, салат и др.') [СУМ. Т. 4. С. 536]. Понятно, что признаки 'засорять посевы культурных растений' и 'использоваться в пищу' совершенно не важны для идентификации лебеды как растения и отражают исключительно особенности восприятия ее человеком; если бы массовое сознание владело информацией про то, что лебеда имеет лекарственные свойства, этот признак тоже получил бы шансы попасть в состав какой-нибудь дефиниции.

Обращает на себя внимание одна важная тенденция, непосредственно связанная с культурной релевантностью признаков, включенных в описание: чем глубже объект входит в определенную национальную культуру, тем меньше дескриптивных признаков привлека-

ют лексикографы для описания его номинации. И наоборот: если объект известен слабо, соответствующее толкование наполняется его разнообразными признаками. Эта тенденция реализуется не во всех толковых словарях и не во всех группах лексики, однако ее проявления оказываются очень выразительными. Так, выше отмечалось, что при толковании слова *бук* в АСРЯ использовано двенадцать дескриптивных признаков, тогда как в описании лексемы *береза* в том же словаре таких признаков только восемь. Бук, очевидно, известен среднему носителю русского языка хуже, чем береза. Среди лексем в тематической группе «деревья» отметим также следующие толкования с минимизированным набором дескриптивных признаков: *клен* 'дерево с широкими резными листьями' [БАС. Т. 5. Стб. 1014]; *сосна* 'вечнозеленое хвойное дерево с небольшими шишками' [МАС. Т. 4. С. 206]; *quercia* 'alto albero che produce ghiande' ('дуб – высокое дерево, дающее желуди') [DFLI. P. 786]; *oak* 'a large tree that is common in northern countries' ('дуб – большое дерево, которое распространено в северных странах') [LDCE]. Все названные этими словами деревья растут там, где в течение многих веков обитают европейцы, поэтому соответствующие концепты прочно вошли в целостный образ мира, получив отражение в системных связях с другим концептами, обогатившись культурными смыслами. Неудивительно, что в таких случаях более подробное словарное описание кажется составителям словаря излишним.

Интересные проявления тенденции к минимизации толкования прослеживаются в «Словаре Академии Российской», где именная конкретная лексика описывается в целом весьма подробно (особенно это относится к словам из групп флоры и фауны). В толкованиях некоторых имен привычных для говорящих объектов используется маркер «всем известное», а словарное описание при этом существенно сокращается. См., например, толкования слов *лошадь* и *кот*: 'конь; животное четвероногое всем известное, подъяремное, имеющее твердые нераздельные копыта; употребляемое как для верховой езды, так и в упряжке и для перевозу тяжестей' [САР. Стб. 612]; 'хищное животное, всем известное, содержащее в домах для истребления мышей' [САР. Стб. 355].

Таким образом, изучение словарных дефиниций конкретной именной лексики (названий некоторых растений и животных) в словарях разных языков свидетельствует, что среди множества толкований то-

го же слова (и его переводных эквивалентов) практически отсутствуют одинаковые по набору дескриптивных признаков описания. На первый взгляд, это явление можно объяснять задачами конкретного словаря, его ориентацией на определенную аудиторию, объемом, характером его носителя (бумажный или электронный) и другими паралингвальными причинами. Однако подобные объяснения не всегда коррелируют с конкретными лексикографическими фактами. Если же посмотреть глубже, то окажется, что единственный принцип описания, который мог бы обеспечить тождественность или по крайней мере сходство дефиниций, – это их построение из конечного набора необходимых и достаточных признаков реалии; именно присутствие такого набора в разных словарях должно придавать толкованию дифференциальную силу. Однако оказывается, что применение этого принципа ко многим единицам лексикона невозможно: имена большинства биологических объектов (животных, растений, плодов, грибов и т.д.) относятся к стохастической лексике, которая не может быть описана через минимальный набор различительных признаков в силу особенностей содержательного наполнения соответствующих концептов. Большинство дескриптивных признаков, используемых в словарных толкованиях имен таких реалий, не имеют обязательного характера и не могут в совокупности служить для идентификации объекта, обозначенного словом.

Удивительно, что еще задолго до того, как в теоретической лингвистике появилось понимание значения слова как психологической реальности, как «достояния индивида» (А.А. Залевская), практическая лексикография выработала подходы к словарному описанию, опирающиеся на релевантные, значимые признаки реалий. Таким образом, лексикографическая практика опровергает традиционный логикорационалистический подход к лексическому значению и его толкованию, конструируя неточные, неполные, часто даже нелогичные дефиниции, которые, тем не менее, оказываются приемлемыми для носителей языка.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды : в 2 т. М. : Языки русской культуры, 1995. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 464 с.
2. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. Изд. стереотип. М. : URSS, 2020. 240 с.

3. Песина С.А. Слово в когнитивном аспекте. М. : Флинта : Наука, 2011. 344 с.
4. Бендикс Э.Г. Эмпирическая база семантического описания // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1983. Вып. XIV. С. 75–107.
5. Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Апресян Ю.Д. Избранные труды. М. : Школа «Языки славянских культур», 1995. Т. 2. С. 503–537.
6. Апресян Ю.Д. Об Активном словаре русского языка // Активный словарь русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. С. 6–37.
7. Taylor J.R. Linguistic categorization. Oxford : Oxford University Press, 1995. 312 p.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания). М. : URSS, Книжный дом «Либроком», 2011. 172 с.
9. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М. : Высшая школа, 1988. 168 с.
10. Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1983. Вып. XIV. С. 61–84.
11. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М. : Гнозис, 2005. С. 215–233.
12. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 194–208.
13. Жуйкова М.В. Структура словникової дефініції в аспекті антропоцентризму // East European Journal of Psycholinguistics. 2015. Vol. 2, № 2. С. 48–54.

Словари

- АСРЯ* – Активный словарь русского языка / отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1, 2.
- БАС* – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. Л. : АН СССР, 1950–1965.
- МАС* – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1981–1984.
- НООСРЯ* – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Москва ; Вена : Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
- ОШ* – Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2010. URL: <http://ozhegov.textologia.ru/> (дата обращения: 21.06.2020).
- САР* – Словарь Академии Российской : в 6 ч. СПб., 1814. Ч. 3. 722 с.
- СУМ* – Словник української мови : в 11 т. / за ред. І.К. Білодіда. Київ : Наукова думка, 1970–1980. URL: <http://sum.in.ua> (дата обращения: 21.06.2020).
- CCALD* – Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.06.2020).

CED – The Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.06.2020).

DFLI – Dizionario fondamentale della lingua italiana. Istituto geografico De Agostini, S.p.A., Novara, 1999. 1100 p.

DUW – Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1996.

GWD – Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. URL: www.TheFreeDictionary.com (дата обращения: 21.06.2020).

LDCE – The Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com> (21.06.2020).

NZ – Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli. Decima edizione. Bologna, 1973. 1236 p.

OALDCE – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Fourth Edition. A.S Hornby. New York : Oxford University Press Inc., 1989. 1579 p.

SJP – Słownik języka polskiego pod red. W. Doroszewskiego. URL: <http://sjp.pwn.pl/doroszewski/lista> (дата обращения: 21.06.2020).

WD – Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 21.06.2020).

WID – The Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. A. Merriam-Webster / I. Gove, Philip Babcock. Massachusetts, Springfield : Merriam-Webster Inc., 1986. 2662 p.

On the Problem of Constructing Definitions of Specific Nominal Lexis (Flora and Fauna)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2021, 19, pp. 52–74. DOI: 10.17223/22274200/19/3

Marharyta V. Zhuikova, Alina I. Yodlovska, Lesya Ukrainka Volyn National University (Luts'k, Ukraine). E-mail: mzhujkova@ukr.net / Alino4ka02.03@ukr.net

Keywords: lexical meaning, definition, stochastism, psycholinguistic meaning, relevant feature.

The article discusses two approaches to the dictionary interpretation of specific nominal vocabulary, i.e. logical-rationalistic and psychological. In the traditional approach to the construction of interpretations, which is consistent with the scientific paradigm of structuralism, it is believed that the definition should include only those semantic components that ensure the delimitation of this meaning from the meaning of all other units of the language (E. Bendix); this requirement is fulfilled by creating a definition from a set of necessary and sufficient features. The aim of this article is to find out whether it is possible to construct definitions based on these requirements for groups of specific vocabulary related to flora and fauna, as well as to identify other approaches to the dictionary description of meanings of words of this group. The research material is an array of definitions from 17 explanatory dictionaries of Russian, Ukrainian, Polish, Italian, English, and German. The main research method is semantic and comparative analysis of dictionary definitions. The research has revealed that the interpretation of lexis denoting flora and fauna rarely meet the declared requirements.

For example, in the twelve considered definitions of the word *linden* and its equivalents in other languages, nineteen semantic components are used in total, and their number in different dictionaries ranges from three to eight. None of the interpretations provide an unmistakable recognition of this word and contain a set of necessary and sufficient features. The reason for this phenomenon is due to the fact that names of most biological objects refer to stochastic lexis, which cannot be described through a set of distinguishing features due to the peculiarities of the content of the corresponding concepts. One can find a different approach to the definition of names from flora and fauna groups in practical lexicography. The authors of dictionary definitions rely on the most significant, relevant features of the class of realias, i.e. form an interpretation of those characteristics that often fall into the focus of attention of the ordinary native speaker. In many cases the definition includes those signs of realias that are significant for the national cultural tradition. Thus, in constructing definitions of specific lexis from the group of *biological objects*, practical lexicography is based on a psychological, rather than logical-rationalistic, approach to the dictionary definition, which is consistent with the new cognitive paradigm in linguistics.

References

1. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: In 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Ufimtseva, A.A. (2020) *Leksicheskoe znachenie. Printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki* [Lexical Meaning. The Principle of Semiological Description of Vocabulary]. Moscow: URSS.
3. Pesina, S.A. (2011) *Slovo v kognitivnom aspekte* [The word in a cognitive aspect]. Moscow: Flinta: Nauka.
4. Bendix, E.G. (1983) *Empiricheskaya baza semanticheskogo opisaniya* [Empirical Basis of Semantic Description]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 14. Moscow: Progress. pp. 75–107.
5. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Shkola "Yazyki slavyanskikh kul'tur". pp. 503–537.
6. Apresyan, Yu.D. (2014) *Ob Aktivnom slovare russkogo yazyka* [On the Active Dictionary of the Russian Language]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [The Active Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 6–37.
7. Taylor, J.R. (1995) *Linguistic categorization*. Oxford: Oxford University Press.
8. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2011) *Leksicheskaya sistema yazyka (vmutrennyaya organizatsiya, kategorial'nyy apparat i priemy opisaniya)* [The Lexical System of the Language (Internal Organization, Categories and Methods of Description)]. Moscow: URSS, Knizhnyy dom "Librokom".
9. Nikitin, M.V. (1988) *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya* [Foundations of the Linguistic Theory of Meaning]. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Nayda, Yu.A. (1983) *Protsedury analiza komponentnoy struktury referentsionnogo znacheniya* [Procedures for the Analysis of the Component Structure of Referential Meaning]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 14. Moscow: Progress. pp. 61–84.

11. Zalevskaya, A.A. (2005) *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst* [Psycholinguistic Research. Word. Text]. Moscow: Gnozis. pp. 215–233.
12. Stermin, I.A. & Rudakova, A.V. (2016) Psycholinguistic Experiment and Description of Word Semantics. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 1 (27). pp. 194–208. (In Russian).
13. Zhuykova, M.V. (2015) Structure of a Dictionary Definition in Terms of Anthropocentrism. *East European Journal of Psycholinguistics*. 2 (2). pp. 48–54. (In Ukrainian).

Dictionaries

- Apresyan, Yu.D. (ed.) (2014) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [The Active Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Chernyshev, V.I. (ed.) (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Standard Language: In 17 Volumes]. Moscow: USSR AS.
- Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.
- Apresyan, Yu.D. (ed.) (2004) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury; Vienna Slavic Almanac.
- Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2010) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <http://ozhegov.textologia.ru/> (Accessed: 21.06.2020).
- Imperial Academy of Sciences. (1814) *Slovar' Akademii Rossiyskoy: v 6 ch.* [Dictionary of the Russian Academy: In 6 Parts]. Part 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
- Bilodid, I.K. (ed) (1970–1980) *Slovyk ukrayinskoyi movy: v 11 t.* [Dictionary of the Ukrainian Language: In 11 Vols. Kyiv: Naukova dumka. [Online] Available from: <http://sum.in.ua> (Accessed: 21.06.2020).
- Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 21.06.2020).
- The Collins English Dictionary*. [Online] Available from: <http://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 21.06.2020).
- Dizionario fondamentale della lingua italiana*. (1999) Istituto geografico De Agostini, S.p.A., Novara.
- Duden. (1996) *Deutsches Universal Wörterbuch*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
- Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. [Online] Available from: www.TheFreeDictionary.com (Accessed: 21.06.2020).
- The Longman Dictionary of Contemporary English*. [Online] Available from: <http://www.ldoceonline.com> (21.06.2020).
- Zingarelli, N. (1970) *Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli*. Decima edizione. Bologna: Zanichelli.
- Hornby, A.S. (1989) *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Fourth Edition. New York: Oxford University Press Inc.

Doroszewski, W. (ed.) (n.d.) *Słownik języka polskiego pod red. W. Doroszewskiego*. [Online] Available from: <http://sjp.pwn.pl/doroszewski/lista> (Accessed: 21.06.2020).

Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 21.06.2020).

Merriam-Webster, A., Gove, I. & Babcock, Ph. (1986) *The Webster's Third New International Dictionary of the English Language*. Unabridged. Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster Inc.